

ДЖАН-ША АЛЛА ПЕТРОВНА

«Есть проблема с тем, что государство системно поддерживает только зарегистрированные некоммерческие организации и не видит остальных, кто реально тоже что-то делает. Я знаю много людей, которые создают интересные проекты, но никто ими не интересуется, потому что в их отношении система не работает».

Джан-Ша А.П. – директор общества с ограниченной ответственностью «Продюсерская компания «Профи», продюсер медиапроектов, автор и ведущая телевизионных программ. Член Общественной палаты Хабаровского края. Руководитель дальневосточного фестиваля игрового любительского кино «Точка возврата».

– Алла Петровна, с чего началась ваша общественная жизнь? Какими были первые шаги?

– Я создала свою первую общественную организацию ещё в 1994 году, и было это в городе Лесозаводске Приморского края. Такой был «Молодежный центр творческих инициатив» – объединение выпускников крупных вузов, которые вернулись на свою малую родину и не знали, куда себя деть. Занимались в основном организацией досуга. Мы с мужем по образованию режиссёры, поэтому делали с друзьями разные интересные мероприятия, тусовки для городской среды, концертные программы.

– Какие направления социальной деятельности вы реализуете сегодня?

– Мы придумали и делаем уже четвёртый год фестиваль игрового любительского кино «Точка возврата». Идея проекта сформировалась постепенно. Как-то собрались рабочим коллективом, и я поставила на повестку вопрос: «Чем бы нам таким интересным заняться?». И давайте под эту идею мы уже найдем финансирование. Потому что – сколько можно отрабатывать чужие заказы? Нужно же что-то и для души. Мы долго обсуждали, и решили, что нам, то есть тем, кто работает в сфере телевидения, было бы интересно снимать кино в игровом формате, а в Хабаровском крае такого направления нет. Снять-то можно, но где и кому показать? И так мы решили сделать маленький кинофестивальчик игрового любительского кино. Кино для друзей, так скажем. У нас получилось, и даже очень неплохо. И мы увидели, как много людей пришло к нам на показ, и какого сами фильмы получились хорошего качества! Решили, что надо продолжать. Участники фестиваля стали общаться между собой, стали появляться новые идеи – появился дополнительный формат – кинолагерь. Съёмки короткометражек на выезде в сжатые сроки. Всё больше желающих участвовать в наших

событиях, всё больше появляется заявок, люди стали ждать кинофестиваля следующего года, спрашивают. Получается, мы открыли какой-то новый пласт художественной самодеятельности (в хорошем понимании этого термина). Видео сегодня снимают многие, оборудование стоит не так дорого, как несколько лет назад. Качество картинки можно обеспечить. А вот чтобы обеспечить качество содержания – это надо общаться, делиться, смотреть, обсуждать. Постепенно вокруг нашего маленького фестиваля возникла довольно большая творческая тусовка, в которой есть люди самых разных возрастов, от школьников до совсем взрослых, и эти люди говорят на одном языке, интересуются одним и тем же.

– А что несут в себе любительские фильмы?

– Авторское высказывание, прежде всего. В первый сезон мы решили, что сделаем фестиваль фильмов о людях, которые уехали из Хабаровска, но потом вернулись обратно. Почему, собственно говоря, название такое – «Точка возврата». Но постепенно мы от этой темы отошли. Поняли, что вообще не нужны узкие рамки. А вот задача собирать имиджевое кино на дальневосточную тематику – она осталась. Но когда авторы снимают фильмы в нашем регионе, и рассказывают о том, что их по-настоящему трогает, мы видим, что там всегда есть Дальний Восток, и он – разный. В якутском кино – природа, душевные переживания и какая-то своя размеренность. У приморчан совсем иной ритм жизни, почти стремительный... Каждый вроде снимает о своем, а в итоге получается интересный срез жизни, кино о нас обо всех, жителях Дальнего Востока. И у нас всё равно много общего.

– А на какую аудиторию вы ориентируетесь?

– На самую разную. На просмотры к нам на фестиваль приходили и школьники, и дамы в шляпах. Просто нужно любить кино и действительно интересоваться им, чтобы прийти на любительский показ. Понятно, что фильм Квентина Тарантино в любом случае соберет кассу. А как сделать так, чтобы люди пришли смотреть кино, снятое непрофессионалами, своими земляками? Явно, что помимо просмотров должно быть что-то еще. Общение, разбор «полётов», мнения профессионалов – и всё в присутствии зрителей, и им это тоже интересно!

– Кто ваши помощники, единомышленники? Много ли их?

– Это, прежде всего, команда компании «Профи», мы коллеги по основной работе. Но не только, мы привлекаем единомышленников конкретно на проект. В прошедшем сезоне фестиваль делали всемером. Но на самом деле нас было гораздо больше. Потому что, к кому бы мы ни обращались (по поводу информационной поддержки, помещений, оборудования) – нигде не встречали отказа. Никто не сказал, что наш проект не интересен. Вообще, я считаю, что люди больше склонны помогать друг другу, нежели отказывать. И легко отзываются на просьбы о помощи. Часто мы просто боимся

обращаться за такой поддержкой – а вдруг нас «пошлют», как мы будем чувствовать себя после этого? Но никто никого не посылает. Например, как мы искали площадку для нашего фестиваля? Просто пришли в кинотеатр «Совкино», буквально «с улицы», и рассказали о нашей идее. В ответ получили оценку «круто!» и почти полную свободу: хотите – свет, хотите – звук, хотите – помещения!.. Вообще, все очень просто: люди откликаются на интересные идеи. Идеи – это очень важно.

– Что вы считаете своими главными достижениями, победами в сфере общественной деятельности?

– Мне нравится, что я общаюсь и дружу с большим количеством интересных и мне приятных людей. В какой-то момент жизни, я думаю, каждый из нас делает такой вывод: надо меньше тратить времени на тех, кто тебе не близок, а больше быть с теми, кто тебе реально интересен. И таких людей у меня становится все больше и больше, и они мне помогают. Это моё главное достижение сегодня.

– Но есть ведь, наверное, и разочарования, трудности, неудачи в общественной деятельности?

– Если честно, меня разочаровывает отсутствие реально действующих институтов помощи и продвижения новых идей и проектов. А ещё многое делается для галочки, к сожалению. Я часто присутствую на так называемых «общественных площадках», где, казалось бы, изначально провозглашаются какие-то очень правильные вещи. Но на практике вижу, что таких правильных вещей происходит процентов двадцать от силы... Жаль. Отчасти поэтому я и стараюсь создавать такие события, в которых полезного содержания будет процентов хотя бы девяносто. Куда люди будут приходить с желанием что-то сделать, получить полезный опыт, и это будет реальным. И можно будет ловить кайф от общения друг с другом. И не для того, чтобы отчитаться. Не для того, чтобы пустить пыль в глаза, наделать селфи и запостить фотографии в соцсетях. Мне приятно, что внутри нашего проекта (я всё ещё о фестивале) больше содержания, чем кажется извне. Это обязательно ещё даст свои плоды.

– С какими трудностями в общественной работе вы сталкиваетесь? Какие барьеры приходится преодолевать?

– Я тут скажу больше не о себе. Я человек, всё же встроенный в систему. А есть проблема с тем, что государство активно поддерживает только зарегистрированные некоммерческие организации и не видит остальных, кто реально тоже что-то делает. Я знаю много людей, которые создают интересные проекты, и фактически это настоящие общественные объединения, но они не регистрируют своё юридическое лицо и поэтому ими никто не интересуется. Просто потому что в их отношении система не работает, нет механизмов. Ну вот, чтоб далеко не ходить за примерами. Моя дочь Яна (мно-

гие знают её как Яну Кабаргу), она дизайнер, творческий человек. У неё есть друзья, такие же интересные молодые ребята, которые фактически создали молодёжное творческое объединение. И даже название себе придумали, конечно, неформальное. Начали с того, что стали по четвергам вместе учиться рисовать, сейчас у них новые цели появились, их становится всё больше... Мы же говорим о молодёжном досуге, о развитии творчества, о самозанятости. В этом смысле это реально живой и перспективный проект. Такие надо находить и поддерживать. Они же не скрываются, вся жизнь молодых людей проходит в соцсетях. Я считаю, что сегодня государство облегчило себе задачу, работая только с зарегистрированными организациями. Конечно, легче коммуницировать с теми, кто уже посчитан реестрами, имеет банковские реквизиты и юрлицо. Гораздо сложнее на свою сторону склонить тех, кто «не организован», но по факту делает интересные и полезные для общества дела.

И есть еще одна проблема. Мне не нравится, что в обществе формируется представление о том, что если ты занимаешься общественной деятельностью, то ты не должен за это брать денег. Социально значимая работа должна оплачиваться. Я думаю, когда общественные организации зарабатывают, это очень хорошо. Значит, у них есть мотивация, и есть будущее, на которое всегда нужны ресурсы. Многие общественники гордятся: «я за это не получил ни копейки». Ну, и плохо это очень! Если бы получил, то и завтра мог бы заниматься тем, что для тебя важно, больше времени на это тратить и не чувствовать себя виноватым перед близкими.

– Что бы вы хотели еще сделать в вашей общественной жизни, но пока не удастся?

– Я бы, наверное, хотела придать больше осмысленности тому, что я делаю. Мне уже столько лет, что пора подумать о будущем, когда я уже не буду работать на своей основной работе и могла бы заниматься только общественной деятельностью. Будь это благотворительность или ресурсная помощь интересным социальным проектам. Я сознательно не говорю, что это должны быть проекты общественных организаций. Напротив, мне интересны вообще социальные проекты простых людей. А создавать организацию или не создавать – это всего лишь один из путей развития, который каждый выбирает сам.

– Чего бы вы пожелали начинающим общественникам, тем, кто всё же собирается создать свою некоммерческую организацию или стать гражданским активистом?

– Во-первых, быть открытыми и не бояться привлекать к своему делу других, потому что люди более склонны помогать, чем нам кажется. Я об этом уже говорила. Во-вторых, если это серьезный проект, я бы пожелала со вниманием отнестись к планированию. Мне кажется, что многие начинания умирают из-за того, что люди поверхностно отнеслись к процессу проработки проекта.

– Поговорим о нашем родном городе, ведь именно он является объектом приложения ваших общественных усилий. Хабаровск, как любой современный город, представляет собой сложную систему общественной жизни. Как бы вы охарактеризовали городское население: сплоченное или разобщенное, активное или пассивное, потребительское или созидательное и т.д.?

– Это непростой вопрос. Мы же, прежде всего, ориентируемся в своих оценках на свое окружение. А я при этом тщательно отношусь к его формированию. И могу предположить, что у меня есть одно представление о горожанах, а на самом деле картинка совсем другая. Иногда забрасывает тебя в какой-нибудь МФЦ, и ты видишь, что там жизнь совсем не та, которой ты живешь. Я в какой-то момент в Фейсбуке стала себе в друзья добавлять всех подряд, испугалась, что могу иллюзорный мир и сама в него поверю (смеется). И блондинки с накаченными губами у меня в друзьях, и охотники-рыболовы, и те, кто на фоточках на «кортах» сидят... Мне кажется, я должна помнить, что они есть. Хотя бы так. Поэтому, точно сказать, какое у нас общество, я не могу. Но знаю, что интересных мне людей, с богатым внутренним миром, интересом к жизни – их реально много. И я рада, что они есть.

– Сегодня много говорят о низкой социальной активности горожан, их отчужденности от городских проблем, слабости солидарных связей. Согласны вы с такой оценкой?

– Трудно сказать. То большое количество зарегистрированных некоммерческих организаций, активных граждан, которые ходят на форумы, и выступают там, не является показателем этого явления - гражданской активности. А как таковой некоммерческий сектор, сегодня, как мне кажется, болел. Причем серьезно, а все делают вид, что это не так. Показуха превалирует над здравым смыслом, и это тренд. Я так вижу.

– Какие, на ваш взгляд, направления деятельности требуют внимания не только органов власти и бизнеса, но и активности со стороны жителей, общественных организаций?

– Я бы сказала, что это работа с молодыми людьми. Причём, я бы выделила неформальную часть молодёжи, у которой есть интересные идеи, но которая не включена в государственные структуры. И вообще надо смотреть не на организации, а на проекты. Тут нужно принципиально менять угол зрения. Есть живая работа, не важно, кто её делает. Люди объединяются для конкретных целей, сегодня одни и для одних, завтра другие и для других. Общественная работа – не официальный брак, печать в паспорте не нужна. Если есть полезный проект, ему нужно помогать, пока он есть. Да и если разобраться, зачем молодым людям вообще регистрировать свою организацию? Ее нужно регистрировать в здравом уме и достаточно зрелом воз-

расте. Ведь это же ответственность, это и вложения финансовые – на регистрацию, банковское сопровождение, бухгалтерию, печать, электронную подпись и т.д. Поэтому почти насильно объединять молодежь в общественные организации под грантовое финансирование – это неправильно! Есть в нашем крае хороший пример с ТОСами (территориальное общественное самоуправление). Оказывается, не так уж обязательно иметь юридическое лицо, чтобы получить финансирование для своего социального проекта. Есть администрации муниципальных образований, через которые финансирование проходит и которые ведут бухгалтерское сопровождение, а ТОС только реализует проект. Вот и надо создавать подобные структуры для поддержки молодежных инициатив. Запросы-то там небольшие, мы же видим суммы, которые те же ТОСы запрашивают в заявках на гранты – 70, 100 или 150 тысяч рублей. А проекты бывают реально интересные и масштабные.

– В последнее время все чаще в фокус общественного внимания действительно попадает молодежь. Какие проблемы этой группы населения вы считаете наиболее важными? И какие из них призваны решать не только органы власти, родители, школа, но и общественные организации, гражданские активисты?

– Проблема государственного масштаба – это проблема качества нашего образования, школьного, в первую очередь. Ведь в школах, собственно говоря, личность и формируется. Именно там дети видят, как взрослые люди говорят одно, а делают другое. Там и формируется чувство протеста, чувство недовольства, досада от невозможности поговорить и разобраться в своих проблемах. Я понимаю, что среди учителей много хороших людей. Но также я понимаю, что сама система образования не позволяет детям раскрываться как личностям. Мне кажется, в принципе, система образования устарела морально. Дети продолжают, например, писать в прописях, но занятий по тому, как быстро печатать на клавиатуре, так и нет. Никто не учит управляться с современными гаджетами, искать нужную информацию в Интернете. Безопасно общаться в социальных сетях. А насколько это важно сегодня! Знание законов психологии тоже очень важно. Получается, что в жизни нужны одни навыки, а в школе даются другие. И поэтому слишком многое, к сожалению, зависит от семьи. Влияния других институтов на воспитание личности ослабло. Кому повезло с семьей – у того есть возможности. Кому не повезло – у того возможностей очень мало.

– В завершении позвольте несколько вопросов личного характера. Что Вы цените в своих коллегах? В людях вообще?

– Я ценю людей, которые понимают, что и зачем они делают. Мне кажется, что многие живут, не думая об этом. Чем-то занимаются, но большого смысла в этом не видят. Мне вот не хочется быть таким человеком. Ещё я ценю искренность и чувство юмора. Это важные маркеры человека.

– А что вам не нравится в людях?

– Лицемерие. Не нравится двуличие, склонность к показушности. Может быть, потому что время сейчас такое? Я это вижу и это меня напрягает.

– Чем вы любите заниматься в свободное время? Остаётся ли оно у вас вообще после общественной деятельности?

– Свободного времени у меня немного, но я его на морально-волевых выкраиваю. Это чисто женские увлечения. На основной работе эта моя часть, видимо, слабо реализуется, ощущаю дефицит. Я люблю готовить, люблю печь пироги, торты, что-нибудь такое красивое. Люблю свою дачу. У нас есть собака и ей тоже надо заниматься. Но ещё одно хобби всё же связано с моей профессиональной деятельностью – мне нравится монтировать семейное архивное видео. На это как раз времени не хватает, очень жаль. Ещё я придумываю интерьеры квартир, ремонтом которых занимается мой муж. Для него это работа, для меня тоже хобби.

– Вы считаете себя счастливым человеком? Что для вас счастье?

– Я считаю себя потенциально счастливым человеком. Счастье – это чувствовать себя спокойно и уверено, понимать, что тебя поддерживают. У меня с поддержкой близких все нормально. В этом отношении я человек абсолютно счастливый. А вообще, быть счастливым – это заниматься тем, что тебе интересно. Я уже много лет не хожу на работу, чтобы просто ходить на работу. И это тоже хорошо. Тут бы еще научиться не тревожиться по пустякам и не насиловать себя стремлением к результату, пытаюсь что-то кому-то доказать. Гармонию такую нащупать... Пока не совсем получается.

– Что для вас значит быть патриотом?

– Патриотизм – для меня это не желание умереть за Родину, или по случаю подражаться с американцем. Для меня это тихое чувство любви к своей родине, просто потому, что ты здесь родился. Я не знаю, можно ли вообще назвать это патриотизмом. Например, я испытываю нежные чувства к Дальнему Востоку. Меня так воспитали, я чувствую себя дальневосточником. И для меня любовь к своей Родине – это любовь к природе, причастность к истории своего края. У нас здесь сообщество людей особенное, потому что у нас корни такие, у каждого непростая история. Многие – дети ссыльных, переселенцев. Я верю в такие штуки: под каждым из нас много поколений, которые нас поддерживают, и мы сами – поддержка для будущих поколений. Поколений двенадцать, наверное, жили, чтобы как-то вложиться в меня. Свою силу я ощущаю в своих предках.

– Есть у вас любимая книга? Герой?

– Это больше детские книги. Книги в детстве оказывают на тебя влияние, как на личность. Но я не прочитала ничего такого, что перевернуло бы мое мировоззрение. В детстве у меня были любимые книги «Динка» и «Динка прощается с детством» Валентины Осеевой. Книга была такая, революционная. Но там о и семейных отношениях, отношениях с друзьями, первая любовь, простор, природа, Волга, свобода... Мне кажется, что я как будто с этой Динкой проживала её жизнь. И полюбила многое из того, что любила она. Но перечитывать эту книгу не хочу. Боюсь, что там всё будет совсем не так, как мне казалось в детстве.

– Что бы вы изменили в своей жизни? Почему?

– Раньше ушла бы в бизнес, лет на пять, наверное. Потому что, получается, когда ты моложе, ты можешь тратить больше сил, но на чужие проекты. Так у меня было, во всяком случае. А когда сил стало уже поменьше, я начала заниматься своими. Мне жаль, что столько времени и сил я отдала проектам, из которых меня потом вычеркнули. Не потому что люди плохие, а потому что проекты изначально были не мои. И это было неизбежно. Ну, ещё не ссорилась бы с людьми некоторыми, с которыми поссорилась, в силу максимализма определенного. Но это давно уже было. Ссоры и борьба забирают много ресурсов. Мне их жаль даже задним числом.

– Если бы у вас была возможность исполнения одного желания, что бы вы пожелали?

– Чтобы дети мои были счастливыми.